

Воспоминания о войне

Но все-таки осознанное детство было связано Великой Отечественной Войной. Первое воспоминание, связанное с войной такое: дедушка читает газету и вслух говорит, что немцы оккупировали Грецию и Югославию. Название - Греция почему-то запомнилось по созвучию с «гречкою», гречневой кашей.

День начала войны. Я играл один в комнате, а все были чем-то заняты, и услышал, что по радио кто-то выступает. Папы дома не было, он поехал на вокзал, чтобы купить железнодорожные билеты в Одессу, так как мы собирались ехать туда отдыхать. Узнав, что объявили о начале войны, папа билеты не купил, а вернулся домой. Дома он громко включил радио, и мы стали слушать выступление Молотова.

В первые дни войны в Москве начались по ночам учебные воздушные тревоги, и мы спускались в подвал нашего подъезда, где было организовано бомбоубежище. Воздушные тревоги произвели на всех большое впечатление, и дедушка, который мужественно прошел через многие передраги, произнес фразу, которая запомнилась: «Я не трус, но я боюсь».

Было распоряжение - детей вывозить из Москвы. Мама в это время работала в Комитете государственного контроля РСФСР, который имел свой Детский сад и вывозил детей своих сотрудников за город. Меня тоже отправили туда. Мы жили в какой-то запретной зоне (название я не могу вспомнить), среди госдач (государственных дач - там была дача Калинина и многих других государственных деятелей). В это время начались настоящие налеты и бомбежки Подмосковья и нашего поселка конечно тоже. Рядом с нашей дачей на опушке леса стояла батарея зениток, а нас ночью почему-то прятали в лесу около нее. Помню, как нас панически будили, а рядом стреляли пушки. Но в это время Наркомат заготовок (ведомство папы) один из первых начал эвакуироваться из Москвы. Мама с большим трудом добилась, чтобы меня вернули домой. Вообще-то это было запрещено, но на машине везли в Москву больного ребенка и захватили меня. Так я возвратился домой. А детский сад позже тоже эвакуировали, но они попали под бомбежку и в панике растеряли многих детей.

В начале июля 1941 года (кажется 7-ого), мы по Волге на теплоходе отправились в Саратов. Плыл целый караван, теплоходы с сотрудниками и их семьями и баржи с архивом. У нас была четырехместная каюта (нас было пятеро, так как дедушка и бабушка поехали вместе с нами). Мама просила родителей поехать с нами. Она сказала своему отцу, что если моего папу призовут в армию, то она останется одна с ребенком. Дед добился получения перевода на работу в Саратов, и мы эвакуировались все вместе. Плыли медленно, так как ночью теплоходы стояли. Ночью не были видны бакены (они были потушены), а освещать их прожекторами было опасно, так как боялись привлечь немецкие самолеты. Мой день рождения (11 июля 1941 года - мне исполнилось 6 лет) отметили в дороге.

Мужчинам-сотрудникам выдавали оружие, и они по очереди дежурили на

стоянках на сходнях теплоходов. В Горьком нас нагнала волна беженцев из Белоруссии, которые смяли оцепление и захватили теплоход. Естественно, что оружие никто применять не стал. Теперь в нашей каюте разместилось 8 человек, так как с нами была семья папиного друга, призванного на фронт. Было лето, и мужчины все спали на палубе.

В Саратове всех накормили и разместили по квартирам. Я запомнил, как это происходило. Все, сидя во дворе какого-то здания на своих вещах, ждали ордеров (направлений) с адресами мест расселения. Там я впервые попробовал чечевицу. Нас поселили в центре города в небольшом одноэтажном флигеле - одна комната, коридорчик и отдельный выход на улицу. Главные трудности были в том, что туалета не было. Летом ходили в туалет во двор, а зимой все выливали на землю не доходя до туалета, так как было холодно и скользко. Там образовалась ледяная гора желтого цвета, которую прозвали "аэродромом". Весной желтый от мочи лед скололи и вывезли. Хозяева к нам были лояльны, хотя они были из раскулаченных купцов и, кажется, были не против прихода немцев. Хозяин работал дворником в парке, а хозяйка делала кладбищенские венки из бумажных цветов – это был ходовой товар.

Саратов запомнился мало. Все необычное было связано с первыми неделями. Мы, дедушка, папа и я, один раз ходили купаться на Волгу и пили в купальне пиво. Меня отдали в детскую группу, где были эвакуированные дети из разных городов, но просуществовала она очень недолго. Гуляли в парке Липки. В 90-ые годы, плавая по Волге, мы нашли этот крохотный домик и парк.

Дед начал работать на местной базе черных металлов, а папу отправили почти на год строить мелькомбинат в Новосибирске. Саратов был центром республики немцев Поволжья, и однажды разнесся слух, что где-то высадился десант в немецкой форме, а местные немцы его тепло встретили и показали заготовленный ими склад оружия. После этого началась депортация немцев. Выселили и соседей из нашего дома. Все это обсуждали дома и на улице, но ни какого возмущения или протеста не было. В августе, маму отправили на трудовой фронт, на уборку урожая на полях опустевших немецких колхозов. Она убирала табак, арбузы и в конце сентября - начале октября возвратилась домой. Но ее предупредили, что предстоит отправка на заготовку дров. Стало ясно, что надо идти на работу, и она поступила работать экономистом в контору к деду. После этого трудовой фронт ей был не страшен.

Зимой 1941-42 годов от папы из Новосибирска регулярных писем не было. У него была «броня» (освобождение от призыва в армию), но в Саратове прошел слух, что, кажется, ее у него отобрали и должны призвать на фронт. К счастью, это было только слухом. Я в это время заболел скарлатиной, а в то время эта болезнь требовала проведение карантина в больнице на 40 дней. В больнице я встретил 1942 год. Вместе с нами лежали истощенные и больные дети, вывезенные из блокадного Ленинграда. Однажды меня вывели на лестницу, а около нее, но ниже на пролет, стояла мама. Она была совершенно седая, что меня очень удивило.

Продукты и хлеб мы получали по карточкам, но и прикупали на рынке, меня носильные вещи на лук, чеснок, сало, овощи.

Из военных впечатлений помню, что когда немцев отогнали от Москвы, мы все ходили смотреть документальный фильм о победе под Москвой. Немного позже

немцы начали регулярно бомбить Саратов. Они прилетали два раза в день, в то время когда менялась смена на заводах, и можно было поражать заводы, городской транспорт и людей одновременно. Оказалось, что мы жили недалеко от местного аэродрома, и нас бомбили очень часто. Во время бомбежки мы все садились подальше от окна, за шкаф, чтобы шальной осколком, попав в окно, не задел нас. В бомбоубежище не ходили, так как оно было далеко от нашего дома. К нам ничто не залетало, хотя под окнами регулярно падали кусочки металла.

Летом приехал из Новосибирска папа. Так как немцев уже отогнали от Москвы, то его наркомат возвращался домой, и он тоже уехал в Москву. Некоторым сотрудникам разрешили взять туда жен, если они носили ту же фамилию, оформив их как бы сотрудниками. Мама попала в эту категорию. Для въезда в Москву ей нужен был пропуск, и мама получила его в конце июля 1942 года. 1 августа мы поехали домой. (1 августа, как я прочел потом, был день, назначенный Гитлером немецкой армии, рвавшейся к Сталинграду, для взятия Саратова).

Дедушка и бабушка оставались еще некоторое время в Саратове, но потом они уехали дальше в тыл, в совхоз под Барнаул, так как немцы были уже на Волге. Там им жилось очень трудно и голодно, и, списавшись с директором Златоустовского металлургического завода, они уехали в Златоуст, где пробыли почти до конца войны.

Мама имела все положенные для переезда в Москву документы, но я ехал с ней зайцем, так как детям пропуска в Москву не давали. Мы доехали до Москвы без приключений. Нас не бомбили, хотя поезд, который шел перед нами, бомбили сильно. Когда у пассажиров проверяли документы, меня прятали под одеялом, и все обошлось. В Москве нас встречал папа и его родной брат. Он взял меня за ручку и вывел с платформы вместе с другими людьми, встречавшими поезд. На следующий день папа получил для меня продовольственную карточку, и я стал полноправным москвичом. Дядя в это время только недавно вернулся из московского ополчения, после того, как оно было разгромлено немцами. Он блуждал где-то по лесам, но вышел к своим, и все закончилось для него благополучно.

В это время центр Москвы, вокруг Кремля, где мы жили, был сильно замаскирован. На кремлевской стене были нарисованы одноэтажные домики, Мавзолей Ленина при помощи раскрашенных щитов был превращен в обычный дом с плоской крышей, а на мостовых больших площадях тоже были нарисованы домики. Был закрыт щитами портик Большого театра. Все характерные здания, которые могли бы быть ориентирами для немецких самолетов, были замаскированы рисунками или щитами. Но, несмотря на это, территория вокруг центра Москва была сильно разрушена от попаданий морских торпед, которые сбрасывали с самолетов, чтобы попасть в Кремль. Торпеды падали рядом с Кремлем, но в Кремль не попадали, так как он был хорошо замаскирован. При этом взрывами сносились целые кварталы на ближних улицах: Полянке, Ордынке и т.д. Может быть, это были и не торпеды, а мощные бомбы, но так тогда говорили. Помню, как мы ехали на трамвае вдоль разрушенных домов. Там, где сейчас памятник Репину и сквер его имени, был бетонный завод, обслуживавший строительство Дворца Советов. Во дворе завода стояла зенитная батарея, в которую попала такая торпеда. Все было сметено в пыль. Долго говорили, что там поставят памятник зенитчикам. В наш дом тоже попала бомба, но

сравнительно небольшая и в противоположное от нашей квартиры крыло. Людей из разрушенных квартир расселили по свободным комнатам, и в нашей квартире поселили три семьи.

После приезда папы их выселили, но они унесли все, что было можно, из вещей и посуды. Неожиданно уцелели только мебель, мои игрушки и библиотека. Мы с мамой въехали в уже освобожденную от людей квартиру.

Кухня стала главной комнатой наших двух смежных квартир. Так как зимой в домах не топили, то мы покупали или находили дрова (в том числе мебель и даже обои из чужих нежилых квартир; обои шли на растопку) и топили печурку на кухне. Печку-буржуйку нам сделал какой-то умелец за несколько бутылок водки, и я помню, как мы с папой ездили за ней на трамвае.

Зимой на кухне жило иногда до 7 человек (нас - трое, а еще мой дядя, соседка по кухне с сыном и их родственница). В остальных комнатах жить было нельзя, так как стекла были выбиты взрывной волной, и окна мы забили фанерой. В этих комнатах зимой хранился запас картошки, которую выращивали на коллективном огороде сотрудники папиного проектного института. Люди не теряли чувство юмора, и папа написал сатирическую поэму «Картофелиада» о труде своих коллег на картофельных полях.

*Мы собрались всем народом
Заниматься огородом... и т.д.*

У дяди была химическая грелка, которую он клал на ночь в постель для обогрева. В грелке была металлическая стружка и кислота, если налить немного воды и потрясти, то начиналась химическая реакция с выделением тепла. Однажды ночью, когда мы все легли и уже потушили свет, грелка взорвалась, и дядя оказался весь в мокрой и теплой металлической стружке. Смеялись мы всю ночь.

При нас был только один, последний, налет немецких самолетов. Мы в подвал не пошли, а смотрели, как прожектора ловили самолеты. Война удалялась от Москвы. Папа надолго уехал на Северный Кавказ. Мама пошла работать надомницей в артель «Художественная игрушка» - шить куклы. Швейной машины у нас не было, и ее нам безвозмездно дала все та же соседка.

Работала она и за рабочую продуктовую карточку, и чтобы ее не мобилизовали на какую-нибудь трудовую повинность (рытье окопов, заготовку дров и др.). Игрушки она шила ночами, так как день был занят хозяйством. Кроила она куклы по лекалам, которые ей давали в артели. Куклы были одеты в платья народов СССР и предназначались для отправки за границу. Поэтому у нас на подоконнике одновременно сидело несколько десятков кукол. Мне она сшила пару маленьких медвежат и Деда Мороза, который и сейчас ежегодно украшает нашу новогоднюю елку. Голова Деда должна была быть закреплена на крышке шоколадного набора. Но в эти игрушки я не играл.

С продуктами в разное время было по-разному. Карточки каждый отоваривал в своем магазине, к которому он был прикреплен по месту жительства или работы. Без карточек можно было купить только консервированные крабы и горчицу, но их никто не брал. Сначала было плохо: в магазине продуктов нет, за хлебом очередь, мука продавалась только по праздникам. В школе ежедневно давали бесплатный бублик и стакан сладкого чая, а во время каникул вместо бубликов ежемесячно да-

вали талоны на хлеб. Правда, была выращенная картошка. Что удавалось, продавали или меняли на продукты на рынке. Маму как-то оштрафовали на Пятницком рынке, когда она продавала мою игрушечную гармошку. Подспорьем были продукты, которые получал папа на работе. Так как он принадлежал к числу работников пищевой промышленности, то им иногда давали пригодные для еды отходы производства московских продовольственных предприятий: какой-то мясной бульон, суфле (сладкий молочный напиток), какавелу (сладкие отходы переработки какао-бобов), дрожжи (из них мы делали паштет). Технология была безотходной - из очисток картофеля делались оладьи. Но я их ел очень редко, а суп из крапивы - один раз. Папа получал еще талоны на обед. Они назывались УДП - Усиленное Дополнительное Питание, а в народе они назывались - Умрешь Днем Позже. Мы сначала ходили с судками (набором кастрюлек с ручкой) в столовую на Моховую улицу (около будущего первого Стереокино, потом там построили, ныне снесенную, вторую очередь гостиницы Москва - город так с годами меняется, что трудно внятно сформулировать, что где размещалось), а потом ездили с мамой к Белорусскому вокзалу и возили оттуда еду домой. Через много-много лет мама попыталась воспроизвести паштет из дрожжей, который для нас был деликатесом. Дрянь оказалась препорядочная.

Однажды, возвращаясь с едой, домой пешком по Красной площади мимо здания ГУМа (Государственного универсального магазина, но магазина в то время там еще не было), мы встретили Берия. Он шел по тротуару один в сопровождении (на пару шагов за ним) только одного полковника. То, что это был Берия, нет никакого сомнения, так как другого маленького и полного генерал-полковника НКВД (Народного комиссариата внутренних дел) в пенсне не существовало.

Мамина тетя (родная сестра бабушки) работала провизором в аптеке и иногда покупала для нас сухую малину и другие сухие ягоды в аптекарской расфасовке по несколько грамм, а мы варили из них компот. Ее аптека была на улице Горького, недалеко от гостиницы «Москва». Сотрудники аптеки были прикреплены к ресторану гостиницы и могли там питаться в обеденный перерыв. Она ела там через день, а через день давала талоны на обед нам, и туда ходили мама и я, но это продолжалось весьма недолго. Главной валютой в то время была водка, которую можно было обменять на картошку, печку или дрова. Однажды мама достала водку в ресторане. Водка в меню там была всегда, но правилами ресторана выносить ее было строго запрещено. Как-то, по подсказке официантки, мама начала заказывать водку и переливала ее в баночку с широким горлышком, которую держала на коленях. Мама при этом очень волновалась. А я при сем присутствовал. Гостиница и ресторан во время войны стабильно действовали. Там жили офицеры, приезжающие с фронта за высшими наградами, и питались по талонам всякие начальники.

Перелом в войне зрительно у меня связан со следующим событием, связанным с посещением гостиницы Москва. Мы вышли из ресторана зимой во второй половине дня, когда уже начало смеркаться, а на Манежной площади были зажжены фонари, неярко, в полнакала, но зажжены. До этого дня в Москве ночного освещения из-за опасения ночных налетов немецкой авиации не было. Стояла кромешная темнота, но освещение не было нужно, так как хождение по городу ночью, после комендантского часа было запрещено.

Но потом у нас с едой стало значительно лучше, так как ввели специальные

дополнительные продовольственные карточки для научных работников, и папа как кандидат наук стал их получать. По этим карточкам в специальных магазинах можно было получать невиданные продукты: сгущенку, американский бекон, консервированные плавленые сыры, масло, мясо и др. А дедушка, который с бабушкой вернулся домой, был прикреплен к магазину (распределителю) Большого театра, где тоже были приличные продукты. Дедушка в то время очень недолго работал в Управлении промышленными предприятиями Министерства культуры и управлял всеми заводами грампластинок в стране (их было 2 или 3). Еще интересно то, что магазинов-распределителей у Большого театра было три. Один для народных артистов и прочих солистов, другой для хора и оркестра, а третий для прочих рабочих сцены. Магазины были рядом друг с другом, но выбор продуктов в них был разный. Мы "отоваривались" во втором магазине. Проблема еды для нас перестала существовать. Наталья Афанасиевна сначала бедствовала, и мы ее с сыном подкармливали, а потом она тоже стала получать литерный продовольственный паек, как вдова старого большевика.

Еще была проблема одежды. Купить что-либо было практически невозможно. Помню только, что по карточкам мне купили кирзовые сапоги. Это было весьма модно и созвучно эпохе, в них я ходил некоторое время в школу, а иногда их надевала мама. Школьной формы тогда в мужских школах не было. Ее сначала ввели только для девочек, а для мальчиков - значительно позже, когда мы уже были в старших классах, и на нас ее так и не распространили. Я ходил в школу сначала в лыжном костюме, сшитом из байкового одеяла, а позже в кителе, сшитом из морского кителя, полученного папой по талонам. Когда я был в первом классе, в школе не топили, и мы сидели в классе в пальто. У меня было меховое пальто, сшитое из бабушкиной меховой шубы. Мех был какой-то легкий и пушистый. Весь класс веселился, отрывая от него пух и раздувая пушинки по классу. В старших классах у меня была модная комбинированная курточка с карманчиками на молниях, сшитая из двух маминых юбок. Но меня это не волновало, потому что так одевались многие. Единственный случай, после которого я понял, что что-то с моим гардеробом не так, произошел, когда я был в 6-ом классе (уже после войны в 1949 году). Меня отобрали с другими пионерами приветствовать какое-то комсомольское мероприятие. Надо было явиться в пионерской форме, но выяснилось, что у меня нет белой рубашки. Выход был найден такой: на меня надели белую ночную рубашку соседа, но у нее не было воротника. Поэтому к ней булавками пристегнули сменный воротничок от папиной рубахи. Все это было прикрыто пионерским галстуком. У ночной рубашки рукава были без манжет. Неестественность такой сборной одежды я запомнил навсегда.

Как и у всех мальчишек, у меня была коллекция осколков бомб и снарядов, хвост от зажигательной бомбы, которую потушил во время ночного дежурства дядя Тоня, и новенькая в масле гильза от снаряда. Все потом куда-то подевалось. Был детский противогаз, который выдали в школе, были карманные фонарики с меняющимися цветными стеклами для сигнализации и другие ценности. Была (есть) кобура от пистолета. Мне подарили настоящую армейскую полевую сумку, и я носил в ней тетради и книги в школу. Мы знали все знаки различия, погоны, ордена и их планки.

Как-то, разбирая старые документы, я обнаружил табель с четвертными оценками за первый класс. Среди других предметов там было и Военное дело. Чему нас учили, я естественно не помню, но помню, как водили нас в «камеру окуривания», где мы должны были сидеть в противогазах, которые таким образом подвергались проверке. Если кто почувствовал бы какой-либо посторонний запах, надо было сказать учителю.

Когда пленных немцев в 1944 году проводили большой колонной по Москве, Валя - наш сосед по кухне, сын Натальи Афанасиевны - взял меня с собой, и мы смотрели на пленных, взобравшись на столб на улице Горького. Начались салюты, и можно было их видеть из нашего окна, не выходя на улицу. Сейчас не вспоминают, что первые салюты сопровождалась стрельбой трассирующими пулями из пулеметов. Было красиво, но были и жертвы, хотя и стреляли в воздух. Так было раза два, после чего стрелять прекратили. Когда одновременно с салютом стреляли с крыш из ракетниц, мы потом с земли собирали цветные колпачки от гильз. Уже после войны около нашего дома, во дворе Кокоревского подворья пленные немцы строили дом, который стоит и сейчас. Мы проходили регулярно мимо и смотрели на остатки их форменных мундиров. Там были и СС-овцы в черной форме, и офицеры, и простые армейские солдаты. Они в свободное время делали наборные ручки для ножей из цветной пластмассы и меняли их на хлеб.

Когда я пошел в школу, то оказалось, что ее первый этаж занят госпиталем, и там лежат нетранспортабельные раненые, которых вывозили постепенно еще несколько месяцев. Во втором классе я некоторое время ходил к слепому солдату домой и читал ему газету. Отцы большинства ребят были на фронте, но об этом как-то между собой не говорили.

В 1945 году, когда наши войска вошли в Германию, стали посылать специалистов для сбора репараций. В число таких специалистов попал и папа. Их всех одевали в военную форму, папу назначили капитаном. Его отъезд затягивался, и он уехал в ночь на 9 мая. Мы знали, что Война уже закончилась.

Так как 2-ого мая взяли Берлин, то окончания войны ждали со дня на день. В ночь с 8 на 9 мая я уже спал, а родители складывали папе вещи в дорогу. В это время и услышали по радио сообщение о Победе. Меня разбудили. На улице были крики. Утром, проводив папу (за ним заехал грузовик, на котором они поехали в Германию), мы всей семьей поехали к дяде в Загорянку, где он уже получил собственное жилье вместо разрушенного бомбежкой, а вечером к салюту вернулись в Москву. Во время салюта мы были на Большом Каменном мосту, а потом по Софийской набережной дошли до дома. Люди стояли стеной, пели, обнимались и целовались. В окне английского посольства сидели, свесив ноги на улицу, английские офицеры и раздавали прохожим конфеты. После парада Победы 24 июня мы с дедушкой пошли на набережную против Артиллерийской академии, где стояли танки и сидели на броне танкисты все в орденах и цветах. Танки ушли ночью. Война для нас кончилась окончательно.

Потом была война с Японией. Сообщения об атомной бомбежке Хиросимы и Нагасаки было воспринято народом положительно, так как это должно было содействовать быстрейшему окончанию войны. Подробностей никто не знал и не понимал.

9 мая многие годы мы ходили к Большому театру, где встречались ветераны.

© Гинзбург В.М.
E-mail: vmg@ginzburgi.ru
www.ginzburgi.ru